

ФИЛОСОФИЯ МНОГОМЕРНОГО ЧЕЛОВЕКА

Статья опубликована в сборнике: Многомерность и целостность человека в философии, науке и религии / Материалы Международной научно-образовательной конференции, 20-21 апреля 2012 г. Казань / под ред. Э.А. Тайсиной. – Казань: Казан. ун-т., 2012. – 404 с. – С. 219-226.

Вполне возможно, что лет через десять название публикации «Философия многомерного человека» сможет вызвать у специалиста только улыбку, потому многомерность человека и мира станет для всех совершенно очевидным фактом. Сегодня же мы находимся в такой удивительной ситуации, когда с огромной скоростью происходят глобальные мировоззренческие изменения. И в складывающихся условиях очень важно удерживаться «на волне», а для этого необходимо суметь сфокусировать взгляд на том, что поможет быстрее перейти в некоторое особое состояние, с которого начнется этап принципиально нового развития человека.

При этом достаточно естественно задать вопрос: что это за *объекты*, на которых желательно концентрировать внимание?

Перед тем, как искать ответ на поставленный вопрос, следует заметить, что весьма характерной чертой современности являются попытки не просто поиска именованного переживаемого этапа культурного развития, следующего за классическим, неклассическим, постнеклассическим, а обнаружение существующих парадигмальных трендов. Эти тренды пытаются зафиксировать путем именованной новой становящейся парадигмы. В результате возникают такие названия как *коммуникативная парадигма* (В. И. Аршинов), *сетевая парадигма* (М. Кастельс), *парадигма антропологического размыкания* (С. С. Хоружий). Важно особо обратить внимание на то, что фундаментом той или иной парадигмы являются *ключевые термины*, вокруг которых разворачивается парадигмальная конструкция. Выявление подобных ключевых терминов для современной культурной ситуации, поиск их взаимосвязей, взаимозависимостей, на наш взгляд, во многом может способствовать прояснению происходящих парадигмальных изменений. Именно эти объекты (термины) и призваны стать центрами исследовательского внимания. С учетом особого культурного статуса обозначенных объектов для них можно предложить специальное именование – *термины парадигмального основания* или иначе – *ключевые термины формирующейся парадигмы*. При этом в методологическом плане необходимо подчеркнуть следующий момент: достаточно естественно предположить, что разворачивание парадигмы начинается именно с обнаружения первоначально одного, двух ключевых терминов, осаждающихся в последствие в названии парадигмы. Чаще всего именно эти термины затем формируют более широкое терминологическое парадигмальное терминологическое поле. Именно эти две стадии терминологической развертки – 1) *обнаружение первоначальных ключевых терминов*, 2) *формирование терминологического поля* и предопределяют характер последующего концептуального разворачивания терминов или иначе – превращение термина в концепт в процессе его культурного циркулирования (более подробно тема соотношения термина, концепта, понятия представлена в монографии [1, с. 222-235]).

Стадию становления парадигмы можно различать по *степени концептуализации*, которую можно понимать как превращения ряда терминов в концепты (под концептом мы понимаем слово, с которым соотносится целый ряд смыслов, этому слову соответствующих).

Таким образом, исследование парадигмы может иметь особый срез, связанный с изучением уже не ее терминологического, а концептуального основания.

На наш взгляд проявление современной парадигмы находится на этапе обнаружения ключевых терминов и их соотношения в контексте обнаруживаемого парадигмального терминологического фона.

Введение представлений о *парадигмальном терминологическом фоне* является чрезвычайно важным моментом в методологическом плане и требует специальных толкований.

Ключевые термины всегда появляются на фоне терминов других, которые также претендуют на то, чтобы иметь статус ключевых. Более того, существуют постоянные перемещения в направлениях «*ключевые термины*» - «*термины фона*». Эти перемещения осуществляются как результат исследовательских интеллектуальных напряжений. Достаточно естественно предположить наличие факта статистического взвешивания, результатом которого и становится обнаружение тех или иных парадигмальных трендов.

Если теперь перейти от методологических обобщений к реалиям современной культурной ситуации, то в качестве ключевого термина становящейся парадигмы можно предложить к рассмотрению термин *многомерность*, а в качестве ближайшего терминологического окружения рассматривать *синергию*, что же касается терминологического фона, то к нему достаточно естественно отнести термины *глобализация*, *глокализация*, *сеть*, *коммуникация* и, возможно, ряд других. Определенным подтверждением методологической идеи по поводу возможной циркуляции терминов в направлении «*ключевые термины*» - «*термины фона*» можно привести существующие в современном интеллектуальном пространстве выражений «*глобализационная парадигма*», «*сетевая парадигма*», «*коммуникативная парадигма*».

Главной целью данной публикации является рассмотрение *синергии* как ключевого элемента *парадигмы антропологического размыкания*, представления о которой введены и развиваются С. С. Хоружим, а также исследование возможностей взаимоотношения пары терминов *синергия* – *многомерность*, претендующих на ключевую роль в терминологическом конституировании современных парадигмальных трендов.

Исследовательские ситуации плюральности и многомерности. Плюральный и многомерный объекты исследования

Вероятно, в жизни любого исследователя периодически возникают достаточно интересные ситуации, суть которых состоит в том, что в ходе тех или иных размышлений актуализируются вопросы, долгое время не получающие ответа. Постепенно подобные вопросы передвигаются на периферию общего исследовательского поля, создавая постоянно действующее подсознательное напряжение. В какой то момент подобным вопросом для автора стал вопрос о роли термина *синергия* в широко развернувшемся в последней четверти XX века синергетическом движении. Помнятся даже дни настойчивого вчитывания во фрагменты текстов П.Флоренского о *синергии* и, как оказалось, тщетные попытки найти у корифеев синергетического движения хоть какие-либо следы *этимологических* прояснений ключевого термина синергетики. К схожим выводам приходит и С.С.Хоружий. В частности, он отмечает: «Сам Герман Хакен обычно характеризует предметную сферу синергетики крайне общими формулами, как то «наука о кооперации», «теория взаимодействия», «изучение общих законов в системах, состоящих из отдельных частей», феномены «совместной активности, совместной энергии» и т.п.... в орбиту синергетики обычно включают теорию диссипативных структур, теорию самоорганизации, теорию детерминистского хаоса, теорию фракталов и даже теорию сложности» [2, с. 28]. И при этом никаких следов серьезных этимологических исследований самого термина *синергия* не проводится.

В настоящее время актуализировалась новая, достаточно близкая исследовательская проблема. В первых упоминаниях о *многомерности*, которые принадлежали российскому исследователю В.Л.Алтухову, размышления о многомерности осуществлялись с помощью термина *ипостась*, совершенно очевидно уводящему в сторону восточной патристики. Тем самым, практически одновременно в современном философском и научном дискурсах ключевые позиции заняли термины, являвшиеся средоточием патристических дебатов Отцов Восточной Церкви: *синергия* и *ипостась*.

Элементарные попытки осмысления той особой методологической ситуации, в которой формировались патристические исследования, приводят к мысли о том, что становление христианской догматики проходило в условиях *принципиальной двухдискурсности*. Один дискурс формировался на основе греческих философских текстов, второй был связан с библейским, христологическим корпусами исследований. Отмеченную двухдискурсность можно было бы назвать прецедентом зарождающейся междисциплинарности, однако подобное соотнесение, скорее всего, невозможно. Религия и философия это не просто различные дисциплины, а принципиально отличающиеся способы освоения мира. В то время как термин *междисциплинарность* указывает на соотнесение довольно близких научных дискурсов. На этом этапе размышлений появляется возможность и целесообразность введения представлений о *ситуации плюральности* и *ситуации многомерности*.

Под *ситуацией плюральности* достаточно естественно понимать такую исследовательскую ситуацию, при которой в поле гносеологического обзора одновременно попадают несколько дискурсов отличных друг от друга, но это отличие не является *принципиальным* или *онтологическим*. Междисциплинарный подход фактически призван изучать развитие подобных плюральных исследовательских ситуаций.

Что же касается *ситуаций многомерности*, то это такие ситуации, в которых исследователь одновременно обозревает, соотносит объекты различной онтологической природы, что вызывает очевидные гносеологические затруднения. В подобное затруднение и попали Отцы Церкви, вынужденные работать с дискурсами принципиально различной природы. Именно поэтому первые опыты и методологические находки освоения многомерности следует искать именно в исследовательских шельфах восточной и западной патристики.

От *ситуаций плюральности* и *многомерности* достаточно естественно перейти к введению представлений о *многомерных* и *плюральных объектах*. Чтобы пояснить целесообразность подобных достаточно тонких методологических различий необходимо отметить следующее. К примеру, *плюральная гносеологическая ситуация* может вести к формированию *плюрального объекта исследования* в том случае, если исследователем освоен междисциплинарный методологический инструментарий. Однако отмеченная ситуация может иметь и другой разворот. Неосвоенность междисциплинарной методологии может способствовать тому, что первоначально схватываемая множественность так и не превращается в *плюральный гносеологический объект*, а вновь распадается на некоторые «отдельности», частные образования. Гносеологические усилия исследователя оказываются недостаточными для того, чтобы сформировать плюральный объект исследования. Аналогичные размышления могут быть представлены и по поводу *многомерного объекта*: многомерная исследовательская ситуация может быть зафиксирована, но многомерный гносеологический акт оперирования многомерным объектом так и не состояться по причине многомерной методологической некомпетентности. Именно по этой причине задача развития многомерной методологии становится особенно актуальной. И для ее решения особую важность обретают осмысления складывающихся парадигмальных установок, ключевых парадигмальных терминов.

Синергия в контексте парадигмы «антропологического размыкания»

Как уже было отмечено выше, С. С. Хоружий предлагает современную парадигму именовать «*парадигмой антропологического размыкания*». Соответствующие идеи были зафиксированы и представлены в его статье «Что такое SYNERGEIA? Синергия как универсальная парадигма: ведущие предметные сферы, дискурсивные связи, эвристические ресурсы». Работа была опубликована в одном из последних номеров журнала «Вопросы философии» [2].

Как известно, греческий термин Synergia означает *сотрудничество, согласованное действие*. Как отмечает С. С. Хоружий, «Словарь греческой патристики» Лампе, добавляет еще два значения вышеуказанному слову, а именно - *помощь, содействие*. [2, с. 21]. Наиболее интересным и важным для понимания синергии является то, что представления о синергии

возникали и развивались при исследовании взаимодействия элементов принципиально различных иерархических уровней, а именно, человека и Бога. Отцы Восточной церкви толковали синергию как *соработничество* человека и Бога.

С. С. Хоружий подчеркивает, что термин *синергия* «рождается в греческой патристике и раннехристианской аскетике и обладает особою природой, в которой соединяются богословское и практическое, то есть опытное и антропологическое измерения» [2, с. 20-21]. Существенное развитие учение о синергии обретает в поздневизантийской культуре и затем, после определенного забвения, вызванного крушением Византийской империи, интерес к этому термину вновь возвращается к XVIII-XIX вв. С середины же XX в., слово «тщательно реконструировалось на современной богословско-философской основе, а затем получило дальнейшее развитие» [2, с. 20-21].

Своеобразным ключом к пониманию представлений о синергии является патристические толкования *энергии*.

В работе авторитетного современного исследователя восточной патристики И. Мейендорфа приведено следующее замечание: «Отношение двух энергий во Христе составляет онтологическую основу синергии» (цит. по [2, с. 22]). Таким образом, понять синергию возможно только путем понимания патристического толкования энергии.

Как известно, существенное развитие представления об энергии получили в каппадокийской традиции. Но при этом следует заметить, вслед за еще одним очень известным исследователем восточной патристики В. Лурией, что «из первых трех книг Василева Против Евномия становится достаточно ясно, что он подразумевает под «энергией», но ни там, ни в других дошедших до нас произведениях св. Василия нет прямого, если угодно, школьного определения» [3, с. 91]. Одно из ранних определений энергии связывают с творчеством Григория Нисского: «Энергия есть какое-либо движение сущности.... «движение же есть изменение первоначального». [3, с. 91]. Подобный способ определения *энергии* как *движения* восходит еще к Аристотелю (Метафизика IX, 6, 1046 в 18-17), где Аристотель различает «действие» («энергию», лат. Actus) и «способность» (или – «возможность» – δύναμις, лат. Potential, в русской богословской литературе обычно переводится «сила») [3, с. 91]. Благодаря *энергии*, согласно учениям Отцов Церкви, и появляется возможность соединения человека с Богом. Именно энергии дают всякие представления о Боге. Взаимодействие человека с Богом осуществляется путем взаимодействия двух энергий. При этом важно понимать следующее: «соединение человеческих и Божественных энергий не следует мыслить как соединение человеческой и Божественной сущности» [2, с. 22].

Если теперь вернуться к синергии, то *синергия* не просто объединяет божественную и человеческую энергии, но реализует их взаимосодествоие.

Естественно, чрезвычайно интересным вопросом остается вопрос о том, каким именно образом это взаимосодествоие осуществляется. К сожалению, поиски ответа на этот вопрос, вероятно, все еще впереди, пока же можно только говорить об *активности*, которая в этом взаимосодествоии принадлежит человеку. С. С. Хоружий пишет: «в своем отношении к Богу человек не должен оставаться пассивным, и его энергии, его свободная воля должны соработничать с Божией благодатью, присутствующей в мире. В отличие от этого, на Западе как католическая, так и протестантская теология отвергают идею свободного соработничества воли человека с Божией благодатью. Отвергают они и принцип синергии как таковой, так что этот принцип остается принадлежностью лишь православной традиции, и долгое время он служил одним из главных пунктов, разделявших Восточно-христианскую и Западно-христианскую мысль. Теперь, однако, ситуация несколько изменяется, поскольку западная теология, эволюционируя, начинает постепенно занимать более примирительные позиции по отношению к идее синергии» [2, с. 21]. Не вдаваясь в исследование причин и следствий различия толкования *синергии* в восточной и западной традициях, хочется наметить основные направления более глубокого исследования синергии.

Путем осмысления синергии С. С. Хоружий приходит к мысли о «размыкании», раскрытии человека, через которое и происходит его конституирование: «то, что достигается

в синергии для человека, может быть описано как его открытие или же размыкание навстречу Божественной энергии, принадлежащей иному онтологическому горизонту» [2, с. 23]. И далее: «синергия есть онтологическое размыкание навстречу личному бытию, она может рассматриваться как парадигма конституции человека, отвечающая его конституированию в личность, понимаемую как Божественная Ипостась» [2, с. 23-24]. Соединение человека с иным горизонтом бытия С.С. Хоружий называет *онтологическим трансцендированием человека*. В синергии же происходит процесс онтологического размыкания человека.

Представления о многомерности в контексте идеи антропологического размыкания

Размышления С. С. Хоружева осуществляются исключительно в контексте прояснения идеи антропологического размыкания, понимаемой как открытость человека божественному и получение преображения в результате этого «размыкания». В акте размыкания имеет место сопряжение двух онтологических уровней – *человеческого* и *божественного*. На наш взгляд, идея антропологического размыкания может быть весьма эффективно интегрирована с идеей многомерности.

Широкое обращение во многих современных работах к обсуждению *многомерности*, к сожалению, пока не дало ни одного более или менее ясного определения того, что же следует понимать под многомерностью. Чаще всего термин многомерность используется при обсуждении плюральных ситуаций, что приводит к еще большему запутыванию. Поэтому возникает необходимость формулировки пусть даже самых предварительных определений многомерности. На наш взгляд, под *многомерностью* следует понимать способность гносеологического субъекта одновременного **осознанию** воспринимать, как минимум, два различных онтологических уровня. Каждый из этих уровней обладает собственной *мерой* или – особым законом, системой законов, с помощью которого раскрывается онтологическая природа данного уровня. Каждый из онтологических уровней имеет свою меру, свои законы, свои сути. Сопричастие человека в его гносеологических актах тем или иным онтологическим уровням дает ему возможность не только постижения законов различных иерархических уровней, но и самопреображения, достигаемого в этих постижениях.

Многомерное уровневое различие становится возможным только на определенном этапе развития человека как гносеологического субъекта. При этом важно заметить, что сам факт существования религий с их особой ролью в развертывании культур свидетельствует о том, что *многомерность*, понимаемая как факт принятия существования хотя бы двух онтологических уровней – человеческого и божественного, является способом осознания мира, имманентно присущим человеку. Разделение мира на человеческое и божественное является первым и фундаментальным прецедентом многомерного различия. И потому сегодня, при обращении к многомерности на новом уровне развертывания гносеологических возможностей человечества, весь бесценный опыт теологических освоений оказывается особо востребованным.

Сегодня человек начинает осознавать свою многомерность. И именно поэтому именование *многомерный человек* становится абсолютно правомерным. И если еще пять, десять лет тому человечество понимало, что выходит на принципиально новый уровень актуализирующейся **сложности**, которую даже предлагали и предлагают иначе именовать – *complexity*, *сложностность*, *сверхсложность*, то сегодня вскрывается уже иное понимание: разобраться во всей развертывающейся сверхсложности фактически невозможно без понимания *многомерности* и освоения *многомерной методологии*.

Кратко обобщая сказанное, можно сформулировать следующие выводы.

1. Современное человечество переживает этап проявления новой парадигмы. Эта парадигма обнаруживает себя, в первую очередь, ключевыми терминами. На наш взгляд, в качестве подобных терминов целесообразно рассматривать термины *многомерность*, *синергия*. К терминологическому фону тяготеют – *глобализация*, *глокализация*, *сверхсложность*, *сеть*, *коммуникация* и др.

2. В самом первом приближении *многомерность* можно понимать как способность гносеологического субъекта к одновременному удержанию в сознании с целью последующего освоения как минимум двух принципиально различных онтологических уровней, каждый из которых обладает собственной мерой, особыми законами уровняго развертывания.

3. Гносеологическая многомерность является следствием онтологической уровневости, иерархичности. Однако несмотря на то, что представления об онтологической уровневости существуют с момента первых осознанных попыток осмысления человеком мира, *многомерность*, как способность человеком сознательного уровняго различения и переживания в ходе этих процессов самотрансформаций является вновь открывающимся феноменом.

4. Раскрытие человеческих способностей к многомерному различению многие века формировалось под воздействием первого фундаментального многомерного опыта, а именно – взаимодействия *человека с Богом*. Развитие человеческой мысли в результате теологических, христологических погружений, фактически, подготавливало к возможности многомерных восприятий.

5. В освоении многомерности фундаментальную роль следует отвести представлениям о *синергии, энергии*. В акте синергии осуществляется факт *сопричастия* онтологических уровней. Если воспользоваться терминологией, предложенной С.С. Хоружим, то можно говорить об акте антропологического или уровняго размыкания. Человек выходит за пределы частично освоенного онтологического уровня, осуществляя соединение с онтологическим уровнем принципиально другой природы.

6. Многомерное уровняго развертывание человека способствует раскрытию его многомерных возможностей путем освоения законов новых мерностей.

И уже в качестве окончательного итога хочется заметить следующее. Сегодня можно говорить о том, что человек совершает пока только самые первые шаги по пути освоения *многомерности*. Воодушевления на этом сложном пути добавляет то, что проблема многомерности, понимаемая как проблема осознания и освоения онтологической разноуровневости, на самом деле, хорошо знакома человечеству. Предпринимаемые вот уже два тысячелетия попытки понимания того, как человек может осознать Бога и что происходит в ходе этого осознания, обросли многочисленными методологическими сложностями. Но все эти сложности переходят на второй план перед особой, можно сказать – эпохальной проблемой. Современное человечество оказалось в особой гносеологической ситуации, требующей практического соотнесения религиозных, философских и научных дискурсов. «Великое объединение», о котором говорили и мечтали лучшие умы человечества, перешло в фазу необходимости практической реализации. *Многомерный человек* вместе с новым именем обрел и многотрудные задачи, успешное разрешение которых только и позволит ему удержаться в новом статусе.

Литература

1. Богатая Л. Н. На пути к многомерному мышлению / Л. Н. Богатая. – Одесса : Печатный дом, 2010. – 372 с.
2. Хоружий С. С. Что такое SYNERGEIA? Синергия как универсальная парадигма: ведущие предметные сферы, дискурсивные связи, эвристические ресурсы / С.Хоружий // Вопросы философии. – 2011. – № 12. – С. 19-37.
3. Лурье В.М. Истоия Византийской философии. Формативный период. – СПб. Ахїѡта, 2006. – 553 с.